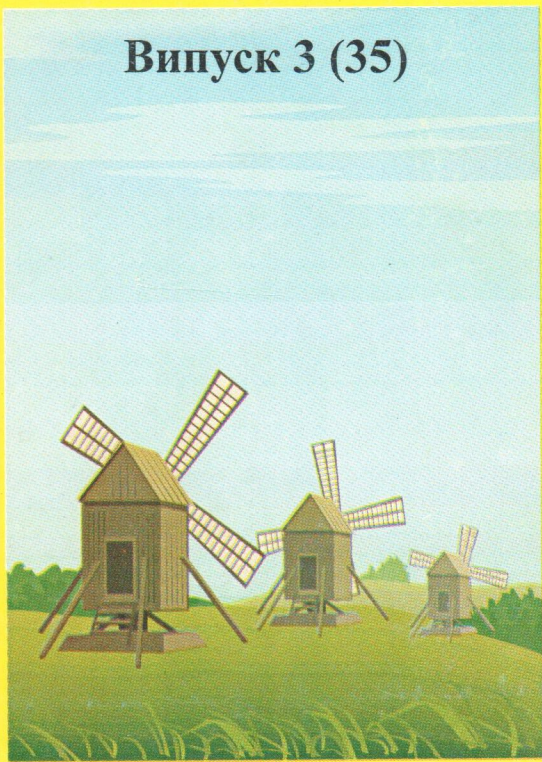

Наукові записки

**Харківського державного
педагогічного університету
ім. Г.С.Сковороди**

**Серія
літературознавство**

Випуск 3 (35)

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

доктор філологічних наук, професор
Л.Г. Фрізман
(відповідальний редактор),
доктор філологічних наук, професор
О.А. Андрущенко,
доктор філологічних наук, професор
М.Ф. Гетьманець,
кандидат філологічних наук, в.о. професора
І.І. Доценко,
доктор філологічних наук, професор
І.С. Маслов,
доктор філологічних наук, професор
О.С. Силаєв,
доктор філологічних наук, професор
Л.В. Ушкалов

Рекомендовано до друку Вченою Радою Харківського державного
педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди 20.06.2003 р.
Протокол № 4

Свідоцтво про державну реєстрацію сер. КВ №6011

ISBN 966-303-016-X

Адреса редакції:
61168, м. Харків, вул. Блюхера, 2,
ХДПУ ім. Г.С. Сковороди,
кафедра російської світової літератури, В-403.
Тел. (0572) 68-48-03

Замятин и Гоголь: к вопросу об интертекстуальных связях

Художественный мир ранних произведений Евгения Замятина характеризуется изображением быта, нравов и устоев жизни провинциальной России, протекающей в маленьком городке, деревне или отдалённом гарнизоне. Как отмечают современные исследователи творчества писателя, в его поэтике в это время преобладает установка на фольклорную стилизацию и сказовую манеру повествования, обращение к жанрам, мотивам, образам фольклора и славянского мифа, что указывает на генетическую связь с народной фольклорной, мифологической в основе своей культурой. Однако не только народное творчество, но и богатейшая литературная традиция питала корневую систему лучших замятинских произведений.

При выявлении генетико-контактных связей творчества художника с классической литературой следует вспомнить, что в «Автобиографических заметках» Замятин писал: «В Лебедяни родился... Рос под роялем: мать – хорошая музыкантша. Гоголя в четыре – уже читал. Детство – почти без товарищей: товарищи – книги. До сих пор помню дрожь от Нечки Незвановой Достоевского, от тургеневской «Первой любви»... Гоголь был другом». [1, с.463]. Дружба с Гоголем с детства постепенно перерастала в активную рецепцию творческого наследия писателя, раскрывающуюся в раннем творчестве Замятина. Эта связь обнаруживается на уровне как интегральных, так и дифференциальных форм.

Проблему влияния раннего творчества Гоголя на творчество Замятина упоминали многие исследователи. Определённое сходство заметили современники сразу же после публикации первой повести «Уездное», созданной в 1911-1912 гг. В.Шкловский, в частности, сделал такой вывод: «старую дореволюционную Россию писатель увидел открытыми глазами, какими смотрели на неё Гоголь и Салтыков-Щедрин» [2, с.7]. Констатируют данный факт и современные замятиноведы, такие как Т.Т. Давыдова, Т.В.Филат, А.Шейн, попытку анализа данной проблемы на уровне проблематики предпринял И.Ф.Такиуллина. Но на уровне целостного анализа данная проблема до настоящего момента не рассматривалась. Поэтому цель настоящей статьи – сопоставить ранние повести Замятина с повестями Гоголя, установить интертекстуальные связи, а также раскрыть, как развивал Замятин традиции своего великого предшественника.

Изучение вопроса о влиянии литературного наследия Гоголя на творчество Замятина может рассматриваться в нескольких аспектах. Прежде всего, это влияние творчества Гоголя на личность Замятина, на формирование

идейно-нравственных основ его мировоззрения; во-вторых, в плане идейной переключки творчества писателей и, наконец, наиболее продуктивный в исследовательском плане аспект - художественное воздействие творчества Гоголя на творчество Замятина, который и является объектом исследования данной статьи. Другими словами, нас интересует, насколько гоголевское наследие повлияло на Замятина-художника, что вынес он из мастерской великого классика.

Сложившаяся в русской прозе 1900-1910-х гг. ситуация отчасти напоминала обстоятельства 1820 - 1840-х гг., когда на авансцену литературы вышла повесть. Обращает на себя внимание тот факт, что, как и Гоголь, работая поначалу в малом жанре, Замятин в названии своих произведений выносит место событий. Первые повести «Уездное», «На куличках», «Алатырь» напрямую переключаются с обобщенно-символическими названиями циклов первых гоголевских повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». И для Гоголя, и для Замятина малая родина становится не только родной землёй, вдохновляющей писателей, она активно входит в художественную ткань их произведений. Городок Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии, где родился Гоголь, даёт писателю не только богатейший жизненный материал, но и название цикла «Миргород». Родной Замятину Тамбов узнаваем в тексте принесшей литературную славу и признание писателю повести «Уездное», о тамбовской земле постоянно вспоминает Андрей Иванович, главный герой повести «На куличках». Но если гоголевская повесть соткана из фольклорных мотивов, сюжетов и реминесценций, то замятинская повесть даже в жанровом отношении оригинальна и самобытна. Она построена на синтезе исконно русских жанровых традиций - агиографической литературы и нравоописательной сатирической повести 17 века.

Замятин многое позаимствовал у Гоголя. В его повестях жизнь провинциальной глубинки, изображённая в сатирически - сказочном ключе, также протекает в замкнутом пространстве и ирреальном времени. Большая часть гоголевских, как и замятинских произведений, построена на полуироническом-полусерьёзном контрасте желаемого и реального, стремлений и результата, причём развитие интриги происходит не без участия ирреальных сил. Внимание Гоголя всецело привлечено к обыкновенному и повседневному - «к дрязгу жизни», как утверждал классик. Слова Белинского о том, что каждая повесть Гоголя - это смешная комедия, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами и которая, наконец, называется «жизнью», вполне применимы и к ранним произведениям Замятина. В художественном мире этих литературных текстов живут «маленькие люди»: гоголевский поручик Пирогов («Невский проспект») и

замятинский поручик Андрей Иванович Половец («На куличках»), мучительно пытающиеся устроить своё личное счастье с замужней женщиной; несостоявшиеся робкие женихи Иван Фёдорович Шпонька («Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка») и князь Вадбольский («Алатырь»), миргородский поветовый судья Демьян Демьянович («О том как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») и заезжий полковник («Уездное»), размышляющие об обедах намного больше, чем о виновности подсудимых, мистическая Солоха, перебегающая дорогу чёрной кошкой («Ночь перед рождеством»), и собачья-Варвара («Алатырь»).

Сюжет «Уездного» незамысловато прост: он повествует о «мёртвой душе» Анфима Барыбы, с раннего детства не имеющего никаких духовных запросов и устремлений. Автор проводит своего «антигероя» через жизненные испытания, встречаясь с которыми Барыба от главы к главе преступает христианские заповеди «почитай отца своего и мать твою», «не кради», «не прелюбодействуй», «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «не убивай». Встречающиеся ему в жизни люди в немалой степени способствуют его моральному и нравственному падению. Как справедливо заметил В.Акимов, без ранних произведений Замятина нельзя понять логику и пути развития его художественной концепции мира и человека. Уже в этих первых произведениях отчётливо прослеживается «трагедия преодоления человека в человеке», мы бы заметили, человеческого в человеке. Как известно, проблема «духовного захолустья» глубоко волновала и Гоголя, тема внутреннего умирания бездуховного человека является главной в его ранних произведениях «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и др.

Несмотря на то, что Замятин начинает своё творчество с традиционных тем, в русле гоголевской классической литературной традиции, он вносит свой значительный вклад в интерпретацию данной темы. Открытия писателя связаны с новым решением исконных вопросов, глубоким психологическим анализом социальных типов героев, новым видением мира и человека. Замятин относился к писателям – реалистам новой волны, художникам, знакомым с достижениями философско-эстетической мысли начала XX века, сочетавшим в своём творчестве лучшие европейские и национальные традиции. «Пристальный интерес к глубинным процессам, происходящим в толще народного сознания, в психологии, - пишет А. Сваровская, - был направлен как на поиски в русском национальном характере позитивных начал, непреходящих жизненных ценностей, так и на трезвое постижение его противоречий, загадок и слабостей».[3, с.189]. В этот период писатели-традиционалисты, наследующие открытия русской классической литературы

XIX века, на первый план выдвигают художественный анализ феномена «маленького человека» не только в социальном, но и в психолого-биологическом аспектах. Мотивы, характер и причины поведения человека из низов предстают в ранних произведениях Замятина как история искажения национального характера не только варварством российского захолустья с его бездуховным животным бытием, но и индивидуальными психо-биологическими свойствами самого человека, ленивого и эгоистичного, как мы и видим в Барыбе. Именно психо-биологический аспект, а не «биологическое, зоологическое», как считает А. Сваровская, определяет концепцию Замятина. Она включает и социальный детерминизм человеческого характера, и его физиологические основы, ибо писателя интересует, прежде всего, взаимодействие социальной и индивидуальной психологии в сложном переплетении. Вместе с тем, следует согласиться с А. Сваровской, что для него социальное и природное не являются антонимическими понятиями, как, например, для Л.Толстого. Он считает эти понятия неоднозначными, подчёркивая в человеке своеобразное соотношение плотского, духовного и социального. В повести Замятина «Уездное» убедительно показано, как провинциальная среда вбирает человека ей не противоящего, что позволяет неоднозначно трактовать образ Барыбы. Вынося слово «уездное» в название произведения, писатель принимает идею социального детерминизма и традиционную интерпретацию темы «маленького человека». В то же время в описании внешности, в характеристике чувств и интеллекта он подчёркивает то индивидуальное в личности Барыбы, что позволяет среде так губительно влиять на него. Это было новое, что привнес Замятин в интерпретацию темы «маленького человека».

В «Уездном» в антиутопию превращается социально-утопическая легенда о Китеж-граде. Счастливая народная мечта о подводном царстве, в котором звучат густым малиновым звоном серебряные колокола и по улицам ходит райская птица Алконаст оборачивается, по словам Тимоши, своим антиподом. «Мы вроде, как во град-Китеже на дне озера живём: ничегошеньки у нас не слышать, над головой вода мутная да сонная». [4, с.222]. «Маленькие люди», просто проживающие свою жизнь, населяют сатирически – условный мир городка. Но даже на этом фоне гротескно-диссонансным выглядит образ Барыбы. «Тяжке железные челюсти, широченный четырёхугольный рот и узенький лоб...да и весь-то Барыба какой-то широкий, громоздкий, громыхающий, весь из жёстких и прямых углов» [4, с.184]. Не случайно сравнивает своего героя Замятин с «воскресшей курганной бабой, нелепой русской каменной бабой» [4, с.236]. Исследователи творчества писателя обращают внимание именно на животное начало в характере Барыбы, в описании существования которого преобладают сцены еды, питья, животных

инстинктов. Е. Девятайкин даже пишет о том, что Замятин в «Уездном» даёт историю тела. Взаимохарактеристики персонажей подтверждают данный тезис. Друг Барыбы портной Тимоша, ставший жертвой его предательства, метко замечает Барыбе: «ты –то утробой живёшь ... У тебя бог-то съедобный» [4, с.198]. По мнению же А.С.Сваровской, в персонаже заложены крупницы возможного, но не реализованного «вочеловечивания» [3, с.193.]. Барыба колеблется перед принятием решения, возникает экзистенциальная ституация выбора между добром и злом. Его даже мучают угрызения совести, когда он готовится дать лжепоказания против своего друга. «Ложился спать Барыба и думал: «Завтра вечером. Значит, ещё целый день до суда. Захочу вот, пойду и откажусь. Сам себе господин. Спал и не спал. И всё будто додумывал во сне недодуманную какую-то мысль...» [4 с.231] Перед нами не закоренелый злодей, а слабый в своём духовном развитии человек, попавший под дурное влияние общества.

Анализируя проблему личности у Замятина, Е. Девятайкин пишет об огромном отличии гуманистической позиции Замятина от представлений о ценности человеческой личности в XIX веке: «Замятин же с высоты своего времени прекрасно видел ограниченность, жалкость и смехотворность человека, но в праве каждого на существование, на достоинство он видел основу, возможность счастья человека» [5, с.40]. Есть в тексте повести и позитивные народные характеры, способные сохранить лучшие человеческие чувства, тягу к прекрасному. Это и монах Евсей, не жалеющий накопленного добра для друзей, и кухарка Польшка, трепетно выращивающая апельсиновое дерево, и портной Тимоша, доброты ради устраивающий жизнь Барыбы. Человеческое, гуманное проявляется в них на уровне человеческих отношений, бескорыстного труда ради других. Таким образом, Замятин-художник считает, что среда не испортила безнадежно душу народа, он далёк от разочарования в своих героях. Как и Гоголь, он не отвергает гуманных черт в патриархальном быте.

Иногда создаётся впечатление, что Гоголь и Замятин используют одни и те же фольклорные мотивы, топосы, архетипы. Только в «Уездном» используются известные мотивы поиска украденного клада, встречающегося у Гоголя в «Заколдованном месте», предательства, описанного в «Страшной мести» и «Тарасе Бульбе», обращения священнослужителей к ворожее в «Ночи перед рождеством», столь характерных для фольклорных сатирических сказок, легенд и преданий. Сюжет многих гоголевских повестей построен на архетипе поиска пропавшей грамоты, черевичек, возлюбленной или своего собственного носа. Замятинские герои столь же целеустремлённы в своих поступках, но цели их не всегда достаточно значимы. Барыба живёт в поисках куска хлеба, алатырские невесты - женихов, а Андрей Иванович забирается

даже на кулички ради того, чтобы одолеть весь мир.

Образ - топос ярмарки как места выявления народной воли является ключевым в повести "Сорочинская ярмарка". Описание её стало хрестоматийным: "Вам верно, случилось слышать где-то в отдалённом водопад, когда встревоженная окрестность полна чудных неясных звуков вихрем носится перед вами. Не правда ли, что самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки, народ срастается в одно огромное чудовище и шевелится туловищем на площади и по тесным улицам кричит, гогочет, гремит? Шум, брань, мычание, бляение, рёв - всё сливается в один нестройный говор. Вода, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы» [6, с.43]".

Ярмарка у Замятина окрашена в такие же яркие краски, несмотря на то, что в тексте "Уездного" заложена другая художественная цель и звучит иной пафос: "Утром, в весёлый базарный день, перед острогом, перед местами присутственными - визг поросят, пыль, солнце; запах от возов с яблоками и лошадей, спуганный, облепленный базарным гамом колокольный звон - где-то идёт крестный ход, просят дождя. [4, с.232].

У Гоголя и Замятина имеют место совпадения в решении отдельных сюжетных ходов и моделировании ситуаций. Так, например, одинаково небрежно, в мыслях о сне или обеде, вершится правосудие. В повести "Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" уважаемый судья Демьян Демьянович слышит только те речи, которые касаются пышных обедов. "Итак, судья разговаривал с подсудком, босая девка держала в стороне поднос с чашками. В конце стола секретарь читал решение дела, но таким однообразным и унылым тоном, что сам подсудимый заснул бы, слушая. Судья, без сомнения, это бы сделал прежде всех...

- Прикажете, Демьян Демьянович, читать другое? - прервал секретарь, уже несколько минут как окончивший чтение.

- А вы уже прочитали? Представьте, как скоро! Я и не услышал ничего! Да где же оно? Дайте его сюда, я подпишу. Что там ещё у вас?

- Дело козака Бокитька о краденой корове.

- Хорошо, читайте! Да, так приезжаю я к нему... Я могу дальше рассказывать вам подробно, как он угостил меня... К водке был подан балык ...» [6, с.436].

У Замятина в «Уездном» судью тревожат те же проблемы. «Когда

отпустили Барыбу, прокурор хлебнул холодного чаю и сказал полковнику:

- Прикажете написать постановление о задержании этого самого Тимоши? Помоему, все эти показания...

- Я знаю, вы иногда чересчур осторожны, но тут.. У полковника в кишках схватывало, подкатывалось, и он думал: «Чёрт знает! Эта исправничиха, толстая дура. Что за провинциальная манера делать всё жирным...»

- Так я говорю, полковник...

- Ах, отстаньте, ради Бога ! Пишите, что вам угодно. У меня ужасно живот болит.» [4, с.229].

Комическая противоречивость жизни усилена в произведениях Гоголя и Замятина образом рассказчика, специально рисующего мир вещей таким, чтобы можно было узнать говорящего. Бекеша Ивана Ивановича описана так колоритно, что по ней можно узнать и её хозяина. Вещь в художественном мире Гоголя становится персонажем, она способна стать “живым существом” - в этом суть гоголевского открытия.

Замятин, наследуя гоголевскую традицию, активно использует сказовую манеру повествования, ориентированную на устную речь рассказчика. Как субъект речи носитель сознания наиболее отчётливо проявляет себя в отступлениях, содержащих комментарии к рассказанному ранее, описание или портретную характеристику персонажей. Такие отступления, насыщенные элементами живой диалогической речи, создают иллюзию общения рассказчика со слушателями: “А вот была-таки и любовь у Урванки: лошадей он любил и кур. Лошадей скребёт-скребёт, бывало, гриву своим медным гребнем чешет, то разговаривать с ними возьмётся на каковском-то языке. Может, и правда - вехристь был?” [4, с.188]. Рассказчик в текстах ранних произведений писателя получает только “социологическую характеристику”, не становясь при этом, как отмечает Е. Мущенко, литературным характером. Условность и анонимность фигуры рассказчика приводит к “диалогизации” текста произведений и к проникновению в сказ элементов письменно-книжного повествования. Развивая гоголевскую традицию, Замятин стремится расширить возможности сказа, придать ему новую идейную окраску. Ведь именно благодаря сатирической интонации автора становится понятным бездушие героев уездного. Сказ в достаточной мере предопределяет и языковое богатство повестей Замятина. Рассказчик как выходец из народной среды использует в тексте “Уездного” просторечные слова и выражения: “нахлобучивает”, “ни бельмеса”, “намедни”, “ледаший”, “охальник”; устаревшую лексику: “рундук”, “половой”, “трактир”; искажённые с художественной целью лексические единицы: “бизпридстанно”, “жисть”, “пельсин”, что создаёт двуплановость повествования и даёт богатейшие возможности игры с чужим словом. Гоголь же в предисловии к “Вечерам на хуторе близ Диканьки” считает даже необходимым пояснить употребляемые им в тексте архаизмы и просторечия: “На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрým словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны” [6, с.36]. Композиционная форма использования сказа писателем также вполне в русле гоголевской традиции, сказ вкрапляется в диалогическую речь персонажей.

Повесть Замятина 1913-1914 гг. «На куличках» посвящена армейскому захолустному быту, на фоне которого разворачивается история любви поручика Андрея Ивановича Половца к жене капитана Шмита Марусе.

Извечный конфликт между мечтой и реальностью забрасывает главного героя на кулички. Мечтал Андрей Иванович в академию поступить, накопил на семьдесят рублей книг, засел за рояль да нанял учительницу. Но учительница оказалась больно хороша и совсем не тем занимался с ней Андрей Иванович. А потом решил вдруг: «Главное – всё сначала начать, всё старое – к чёрту, какатиться куда-нибудь на край света. И тогда – любовь самая настоящая. И какую-то книгу написать и одолеть весь мир» [4, с. 270]. В заброшенном армейском гарнизоне он знакомится с женой капитана Шмита Марусей, которая в силу очень многих обстоятельств не может ответить искренне на его чувства. Уж давно Андрей Иванович в неё влюбился: так как-то с первого же разу по душе ему прихлась. Он надавил левую педаль и внутри у него всё задрожало. «Ну, пожалуйста, тихо совсем тихо... - умолял он себя... всё сердце настежь. Это же для тебя – вот, всё настежь – смотри...» [4, с. 292]. Но между ним и Марусей на протяжении всей повести стоит Шмит. Даже когда Маруся изменяет Шмиту с генералом ради спасения мужа, и любовь в семье становится жестокой, виноватым в этой ситуации оказывается, пришедший Марусе на помощь Андрей Иванович. Озлобленный Шмит ищет отмщения, из-за мелочи вызывает Андрея Ивановича на дуэль, но в конце концов сам стреляется от безысходности. Убитая горем Маруся покидает гарнизон.

Действие гоголевской повести «Невский проспект» происходит не на куличках, а в Петербурге. Поручик Пирогов тоже мечтает вместе со своим другом художником Пискарёвым о любви. Но мечты неизбежно сталкиваются с жестокой реальностью. Возлюбленная Пискарёва оказывается проституткой, и его чистая и возвышенная душа страдает от невозможности соединиться с любимой. «Лучше бы ты вовсе не существовала! Не жила бы в мире, а была бы созданием вдохновенного художника!... Я бы жил и дышал тобою, как прекраснейшего мечтою, и я бы был тогда счастлив!» [6, с. 483]. Мечта и реальность гармонично существуют только в снах. Художник пытается возобновить их опиумом, и в конце – концов заканчивает жизнь самоубийством, как и замятинский Шмит, из-за того, что любовь уже не может быть в силу обстоятельств чистой и верной. Неудачу терпит и главный герой повести поручик Пирогов, но любовь его – другая. Художника Пискарёва и поручика Пирогова, в соответствии с их социальной типологией, можно было бы назвать «двойниками» Андрея Ивановича, олицетворяющими два начала в замятинском герое – духовное и плотское. Дама, которую Пирогов встретил на Невском

проспекте, оказывается замужней женщиной. Совпадают и другие детали гоголевской и замятинской повестей. Блондинка не отвечает на чувства главного героя. Немецкая фамилия мужа - Шиллер, мастеровой, который со своими друзьями Гофманом и Кунцом, спускают «всегда любезного поручика» с лестницы. «Дивно устроен свет наш, - рассуждает гоголевский рассказчик гуляя по Невскому проспекту. - Получаем ли мы когда-либо того, чего желаем? Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Всё происходит наоборот. Тому судьба дала прекраснейших лошадей, и он равнодушно катается на них, вовсе не замечая их красоты, - тогда как другой, которого сердце горит лошадиною страстью, идёт пешком и довольствуется только тем, что пощёлкивает языком, когда мимо его проводят рысака» [6, с.497].

Создавая портреты героев, характеризуя персонажей, Замятин как будто снимает гоголевский портрет, делает его лаконичным и ёмким, не уничтожая главного гоголевского открытия в портретной живописи – генерализации. Этот метод типизации очень часто создавал сатирический эффект и основывался на создании образа героя с помощью нескольких ведущих черт, оригинальных сравнений и метафор. Первая часть повести Замятина «На куличках» называется «Божий зевок». Так характеризует писатель своего героя: «Есть у всякого человека такое, в чём он весь. Сразу. Чем из тысячи его отличишь. И такое у Андрея Ивановича – лоб: пирь и размах степной, а рядом нос - русская курносеечка, белобрысые усики, пехотные погоны. Творил его Господь Бог, размахнулся: лоб. А потом зевнул, чего –то скушно стало – и кой-как, тяп-ляп, закончил: сойдёт. Так и пошёл Андрей Иванович с Божьим зевком жить» [4, с.270]. Поручика Пирогова Гоголь называет «серым эполетом» и подчёркивает, что герой «имел множество талантов. Он превосходно декламировал стихи из «Дмитрия Донского» и «Горя от ума», имел особенное искусство пускать из трубки дым кольцами так удачно, что вдруг мог нанизать их около десяти одно на другое [6, с.488]. А далее Гоголь почти на двух страницах описывает такого типа людей, чего нет у Замятина.

Следуя Гоголю, использует Замятин и такой приём, как говорящие фамилии. Капитан по фамилии Нечёса имеет «всклочённую бороду в крошках», поручик Молочко, вспрыгивает «как весёлый телёночек, поённый молочком с пальца», длинноносый поручик по фамилии Тихмень, уединённо читает Шопенгауэра или Канта, денщики - болтливый Гуслийкин и недодающий Непротошнов своими ежедневными поступками подтверждают точность своих фамилий.

Однако фамилии у Гоголя не столько отражают типичную для героя черту характера или особенность внешнего облика, сколько настраивают читателя на соответствующий лад, задают тональность восприятия. Поэтому

Иван Фёдорович непременно Шпонька, всего боящийся Акакий Акакиевич – Башмачкин, Иван Иванович с Иваном Фёдоровичем имеют фамилии Перерепенко и Довгочун, а знающий Ивана Ивановича сам комиссар полтавский -Дорош Тарасович Пухивочка.

Пространственно-временная организация текста в повести «На куличках» тесно связана с народным календарём. О значительных событиях рассказчик повествует, опираясь на такие временные координаты, как День мученицы Фелицаты, Пост Великий и т.д., что в последующей повести «Алатырь» станет основным сюжетообразующим принципом.

В художественную ткань первых замятинских произведений органично входит славянская мифология. Названия глав вышеназванной повести являются не чем иным как фольклорными реминисценциями, взятыми из народных песен, - «Солдатушки, браво, ребяташки», сказок и былин - «Нечистая сила», «Милостивец», «Кладь тяжёлая», «Пир на весь мир». Морским зверем – китоврасом называют офицеры напитков из полыни и хины, которым крестят в полку главного героя Андрея Ивановича. Славянский миф о Китоврасе, боге созвездия Стрельца, укравшего жену бога Солнца Хорса Зарю-зоряницу, объединяет повесть «На куличках» с последующей повестью Замятина. В искупление своей вины, как свидетельствуют святорусские веды, Китоврас на алатыре-камне построил храм.

В название повести «Алатырь», по нашему мнению, Замятин закладывает именно это аллегорическое значение, которое вырастает в тексте до уровня образа символа спасения. Алатырь, по мнению таких известных учёных как Веселовский. Мочульский, Ягич, – чудесный камень, положенный Спасителем в основание Сионского храма, а не упоминаемый в русских средневековых легендах камень с чудесными и целебными свойствами, «всем камням отец», лежащий в море. Фольклорный зачин «на том самом месте... кругом алатыря-камня» город осел соответствует сказочному хронотопу. События в городе развиваются согласно циклическому времени народного календаря от Покрова к Успенью, от Мясоеда к Крестопоклонной, от Великого четверга до Пасхи, на Покров, на святках.

Известный сказочный мотив о царевне-невесте, заставляющей бедняка-жениха проходить ради её благосклонности через испытания, получает в повести своеобразное преломление. Глафира хоть и не царская, но исправникова дочь, а её Иванушка ищет силу магии в знаниях и в творчестве. Поступки Кости Едыткина воспринимаются не в волшебном, а в сатирически - бытовом ключе: у Глафиры он старательно учится наукам, ради неё глотает неудавшиеся блины и мучается на второй день животом, изучает великий язык эсперанто, чтобы занять рядом с ней своё сладкое место, в порыве ревности совершает неблаговидный поступок из-за которого попадает в острог.

В системе персонажей повести есть свой изобретатель, исправник Иван Макарыч, свой поэт Костя Едыткин, философы Иван Павлович и отец Пётр, и даже свой князь Вадбольский. В основу портретных характеристик героев положен гоголевский принцип генерализации, в каждом из них Замятин видит нечто особенное. Вот характерный пример: «Бывает, что хозяйка слишком лобезная – в стакан чаю набухтит сахару кусков этак пять: инда поперхнёшься от сладости. Так вот и дворянин Иван Павлыч: лицо имел очень приятное, приятности – все пять кусков...» [4, с.244]. Иногда характеристика героя или действия становится настолько лаконичной, что состоит из 2-3 слов: «прошмыгнул зверушкой», «глядела ведьмой», «погнал резвым игрень-конём».

Текст повести характеризуется богатой словесной орнаментикой, включающей, характерные для фольклора постоянные эпитеты, затейливые присказки и повторы. Однако при всём богатстве сказочных формально-содержательных составляющих, в замятинской повести проблематика произведения не соответствует форме сказки, мифологическая стихия входит в конфликт со стихией реально-бытовой.

Как и в произведениях Гоголя, основанных на богатейшей фольклорной народно-культурной традиции, волшебный сказочный мир превращается в свой антипод. В Алатыре после несказанного плодородия перестали рождаться младенцы и перевелись все женихи. В гоголевском «Заколдованном месте» под могильным камнем вместо клада оказывается «сор да дрязг», со старым дедом сыграл чёрт злую шутку. В «Ночи перед рождеством» строптивая невеста, пожелав многого, лишается и самого жениха.

Замятинская сказка превращается в антисказку, священный камень алатырь, к которому ходят на свидания с возлюбленными, ищут уединения и разрешения проблем, не приносит спасения. Сказочный герой недуж и осмеян, его поэзия, с явным символистским подтекстом, проповедующая идеи вселенского собора и всеобщей религиозно-супружеской жизни, остаётся непонятой, любовь – безответной. Его антипод и соперник дьявол-князь Вадбольский, соблазнитель и искуситель, тоже мало соответствует своей роли. При громком имени и «коварном виде» он наступал дамам на платье и растерянно смотрел по сторонам, призывал алатырцев к благому делу – изучению всемирного языка эсперанто для всеобщего единения.

Герои – помощники тоже превращаются в своих антиподов. Изобретатель, исправник Иван Макарыч, придумавший печь калачи на курином помёте и воду держать в «англицком сукне», терпит фиаско. Протопоп Иван Павлович и отец Пётр ведут беседы о дьяволе, говорят с «козьмордыми», пока черти не овладевают ими, дочь протопопа Варвара глядит ведьмой. Изобретатель оказывается неудачником, священник – чернокнижником, философ – лжефилософом, служитель Музы –

несостоявшимся поэтом. Вместо характерного для сказки счастливого конца в финале повести звучит «Пропали мы, пропали!», Костю Едыткина сажают в острог.

Таким образом, наследуя лучшие гоголевские традиции в жанре повести, Замятин привносит новую интерпретацию в трактовку темы маленького человека, в использование фольклорных мотивов, топосов и архетипов, в сказовую стилистику художественных текстов, столь характерную для натуральной школы Гоголя. Не случайно обратившая на себя внимание близость поэтики Гоголя и Замятина дала основания некоторым критикам после появления в печати первой повести Замятина констатировать: «Каково! Новый Гоголь явился миру!» [7, с.510]

Литература

1. Замятин Е. Автобиография // Е.Замятин Уездное. Мы. А.Платонов Ювенильное море. Котлован – М., 2002
2. Шкловский В. О рукописи «Избранное» Евгения Замятина // Замятин Е. Избранные произведения. – М., 1989.
3. Сваровская А. С. Тема духовного захолустья в прозе Е.Замятина 1910-х гг // Проблемы метода и жанра: Сб. статей. – Томск, 1990. – Вып.16.
4. Замятин Е. Зелёный ветер. Роман. Повести. Рассказы. Сказки. Статьи. – Воронеж, 2001.
5. Девятайкин Е.Е. Творческая эволюция Евгения Замятина (на материале дореволюционной прозы) // Советская литература в прошлом и настоящем. – М., 1990
6. Гоголь Н.В. Избранные сочинения В 2х т. – М., 1978
7. Литературная критика о творчестве Замятина // Е.Замятин Уездное. Мы. А.Платонов Ювенильное море. Котлован – М., 2002.

Анотація

У статті висвітлюється проблема впливу літературної спадщини М.В. Гоголя на творчість Є.І. Замятіна. Автор зіставляє ранні повісті Замятіна “Уездное”, “На куличках” та “Алатырь” з повістями із збірок Гоголя “Вечера на хуторі близ Диканьки” та “Миргород”, виявляючи спільні ідейні мотиви, творчі засоби, інтертекстуальні зв’язки. Ним зроблено висновок про те, що, наслідуючи традицію Гоголя, Замятін збагачував їх новим баченням “маленької людини”, новими прийомами характеротворення та відтворення реальної дійсності.